

Сколько лет прошло, где он был, зачем бросил его?

Зачем обязательно нужно было увезти его так далеко?

Ведь еще вчера, буквально вчера...

Его глаза постепенно покраснели, и он уже не понимал, кого винить и на кого держать обиду во всей этой истории. Охваченный смесью горькой обиды и гнева, он произнес:

— Больше всего на свете в этой проклятой жизни я жалею о том, что связался с тобой.

Чжао Минь словно громом поразило, он замер на месте. Он вспомнил, как после первого ответного письма Цзян И та официальная, вежливая формулировка заставляла его ворочаться всю ночь напролет; тогда он тоже пессимистично думал, что Цзян И, возможно, больше не любит его — в конце концов, прошло столько лет.

Оказывается, Цзян И так сильно его ненавидел, испытывал к нему отвращение.

— Проваливай.

Цзян И потухшим взглядом отвел глаза, глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. Шатаясь, он поднялся на ноги, дрожащими пальцами нащупал телефон — экран загорелся, и он открыл контакт Феликса.

— Ты так сильно его любишь? — снова спросил Чжао Минь. В его голосе, по сравнению с вчерашней робкой и осторожной попыткой прощупать почву, не осталось ничего, кроме осколков.

— Да.

Цзян И без колебаний нажал на экран телефона и произнес:

— Я люблю его, я женюсь на нем, я возьму для нас маленького котенка, а потом там, на берегу Янцзы...

Фраза за фразой, спокойно и четко, он озвучил тот самый план на будущее, который когда-то строил вместе с Чжао Минем.

Лицо Чжао Миня постепенно бледнело, теряя всякие краски.

— Я уже купил билет до Великобритании.

Чжао Минь внезапно схватил его за руку, его тонкие губы слегка дрожали:

— Это я виноват перед тобой, но тогда у меня совсем не было выбора.

— Не было, — опустив взгляд, повторил он.

В этот вечер он все еще был в том самом сшитом на заказ костюме, но теперь тот лишь подчеркивал, как сильно он качался от малейшего ветерка, готовый рухнуть в любую минуту.

— Кто, черт возьми, просит тебя вспоминать прошлое?

Цзян И резко вырвал руку, из последних сил заставил себя снова выпрямиться, хотя ноги

продолжали подкашиваться.

— Проваливай.

Чжао Минь стоял неподвижно, не в силах вымолвить ни звука.

— Чжао Минь, — глядя на него покрасневшими глазами, выкрикнул Цзян И. — Ты просто не можешь вынести, когда моя жизнь налаживается.

С этими словами он больше не взглянул на Чжао Миня, с силой оттолкнул его и, спотыкаясь, выбежал из бара.

Холодный ветер мгновенно забрался под плащ, он распахнул дверцу вызванного такси и тут же юркнул внутрь.

В салоне поднималась температура, а снаружи начал накрапывать мелкий, бесконечный дождь. Подняв взгляд, он посмотрел в зеркало заднего вида: позади неотступно следовал Кайен.

Эта машина все время держала с ним странную, неуловимую дистанцию.

И остановилась только тогда, когда они свернули к его дому.

Ворота открылись.

Цзян И ступал словно по воздуху, а Феликс привычным движением поддержал его и с беспомощной, тихой досадой вздохнул:

— Опять уходил.

В конце улицы тот Кайен растворился в ночной темноте.

Цзян И в каком-то полубезумном состоянии вцепился в край пижамы Феликса, обида готова была выплеснуться через край, и он невнятно пробормотал:

— Я сказал совсем не грубо.

В его голосе звучал сильный в нос.

Феликс мягко погладил его по волосам, не стал допытываться и расспрашивать про это лишенное всякой логики бормотание, а лишь произнес:

— Не думай об этом.

Бог защитит его ангела.

Феликс тихо вздохнул.

Цзян И в полузабытьи лежал на кровати, погрузившись в долгий, тяжелый сон, от которого никак не мог очнуться, а холодный пот пропитал одежду.

Перед глазами вновь всплыло поблекшее воспоминание.

На отрывном календаре в съемной квартире были расписаны все планы Чжао Миня, и записи

обрывались на 31 августа 2016 года.

Вечером накануне Чжао Минь обсуждал с ним будущее: его диссертация вот-вот должна была отправиться на слепое рецензирование, и он даже спросил Цзян И, куда бы тот хотел, чтобы он устроился — в научно-исследовательский институт или в коммерческую компанию.

Чжао Минь уже учился на третьем курсе магистратуры, а он — только на втором, и ему предстояло провести в Цзюйда еще два одиноких года. Цзян И был этим немного недоволен.

После нежной близости, весь мокрый и уставший настолько, что не было сил даже поднять руку, он лежал на груди у Чжао Миня, выписывая круги пальцем по его смуглой коже. Хлопая влажными от слез глазами, он протянул:

— Какой ты свирепый.

Чжао Минь крепко прижал его к себе, все еще храня на теле следы недавней страсти, и хриплым голосом произнес:

— Больше не смей меня дразнить.

Цзян И дунул ему на ухо, и его дыхание, легкое, как перышко, скользнуло по коже. Чувствуя, как напряглось тело партнера, он сказал:

— Куда хочешь, туда и иди. И можешь делать со мной все, что захочешь.

Руки Чжао Миня сжались еще крепче, но голос оставался серьезным:

— В институте нужно участвовать в проектах, возможно, начнется закрытый период, я не смогу тебя видеть, да и компания не совсем по моей специальности... Впрочем, если я переведусь на факультет биологических наук, тоже неплохо.

Цзян И подцепил его за подбородок пальцем, всматриваясь в персиковые глаза Чжао Миня, в которых обычно не было ни ряби, а сейчас плескались волны, и тихо рассмеялся:

— Так сильно не можешь без меня жить, учитель Чжао?

— Я твой парень, — поправил он его горящим взглядом.

— Ладно-ладно, парень, — грудь Цзян И была гладкой и скользкой, и он мягко прошептал: — Тогда давай еще раз, м?

— До упора.

Чжао Минь никогда не ругался матом, но сейчас он тихо выдохнул: черт.

Ночной ветер завывал за окном, заглушая звуки сбивающегося дыхания, а на стекле выступил слой испарины.

Всё ведь было хорошо, даже в этой крошечной съемной квартире царил тепло.

Он не понимал.

Почему всего за одну ночь все изменилось?

На самом деле признаки были и раньше, просто его собственная любовь ослепила его, позволив и дальше жить в иллюзиях самообмана. Чжао Минь как-то спрашивал его: если он уедет в Америку, вернется ли обратно?

Конечно вернется, как же не вернуться, — легко ответил тогда Цзян И.

А Чжао Минь лишь промолчал.

31 августа.

Чжао Минь внезапно ушел.

Его никто не мог найти.

Ни о чем не подозревающий Цзян И лежал в съемной квартире — он все еще украшал жилье, а скотч под рукой как раз закончился.

Он дозвонился до Чжао Миня, на том конце провода шумел сильный ветер.

Цзян И обычным тоном наказал:

— Чжао Минь, на обратном пути купи скотч и зайди за молочным чаем, мне три четверти сахара...

Чжао Минь помолчал какое-то время, а затем холодно произнес:

— Цзян И.

— М? — у Цзян И появилось нехорошее предчувствие.

— Послушай меня.

— Срок аренды квартиры истекает через полгода, можешь обратиться к хозяину и забрать залог, — не давая Цзян И вставить и слова, продолжил Чжао Минь. — Банковскую карту, которую ты вчера не мог найти, я положил в шкаф, вместе с твоим паспортом.

— Ты чего это?..

—вай давай расстанемся.

Цзян И еще не успел переварить эти обрывочные фразы, как услышал слова о расставании и машинально выпалил:

— Ты что, сдурел, Чжао Минь?

Щелк. Вызов оборвался.

Цзян И целый день ничего не ел. Днем он ездил в университет, в библиотеку, в научно-исследовательский институт — следов Чжао Миня нигде не было.

Лишь поздно ночью он получил от него короткое сообщение.

[Я не шучу, я говорю о расставании очень серьезно и осознанно, я просто хочу все закончить.]

Несколько строк — и ничего больше. Цзян И смотрел на них очень долго. А потом из глаз сами

собой покатались слезы: казалось, его бросили.

Ведь еще вчера все было совсем иначе.

С какими бы трудностями они ни сталкивались, почему он ничего не сказал, почему первым делом бросил именно его?

Еще вчера вечером он говорил ему, что они поедут в Гринвич...

Воспоминания, переплетенные со сном, причиняли слишком сильную боль.

Цзян И попытался вынырнуть из этого омута, но чувствовал себя мелкой рыбкой на дне глубокого океана — дышать было нечем, и он молча сносил невидимые, невыносимые удары.

Он продолжал беззвучно давиться слезами, свернувшись калачиком. В момент невыносимой душевной боли свело желудок, он резко вскочил и его со страшной силой вырвало.

Всю комнату усыпало рвотными массажи.

— И-и...

— И-и.

Феликс вздохнул, вытащил салфетку, вытирая грязь, и тихо сказал:

— Что такое, малыш?

Цзян И ничего не ответил. Переживая заново эту горькую, болезненную память, он открутил бутылку с минеральной водой, сделал большой глоток, смывая неприятный вкус в желудке, и крепко зажмурился, пытаясь выбросить все из головы.

Долгое время спустя он ровным голосом произнес:

— Феликс.

— М? — Феликс поднял на него взгляд.

— Давай поженимся.

Он так сильно ждал, что увидит Чжао Миня на собственной свадьбе.

Какое у того будет выражение лица?

Из освещения в спальне горела лишь одна прикроватная лампа, погружая комнату в зыбкий полумрак.

Феликс явно замер на месте, даже забыв выбросить салфетку из руки. Хоть он и понимал, что Цзян И, возможно, использует этот брак как способ отомстить другому мужчине, в конце концов эта звезда все-таки досталась ему.

— Что? — его сердце бешено колотилось, и даже голос слегка дрожал.

— Давай поженимся, — повторил Цзян И спокойным тоном, отводя взгляд в сторону. Бутылка с водой в его руках уже опустела.

Получив ответ, Феликс вспыхнул взглядом, сжигаемый желанием прильнуть к нему в поцелуе.

— Воды... — голос Цзян И был сухим и сиплым.

Феликс тут же опомнился и открыл для него новую бутылку.

Цзян И продолжал пить воду, пытаясь усмирить бушующие внутри чувства.

Спустя долгое время Феликс тихо проговорил:

— Я еще не купил цветы.

Цзян И слабо улыбнулся, его глаза слегка покраснели, и он хрипло ответил:

— Это неважно.

Он замолчал надолго — настолько долго, что Феликс уже решил, будто он больше ничего не скажет, но тут Цзян И тихо спросил:

— Ты ведь не бросишь меня?

— Нет, — ответил Феликс без тени сомнения.

— Правда?

— Когда я увидел тебя впервые, мне сразу захотелось пригласить тебя на танец.

Цзян И снова улыбнулся. Он знал, что во Франции свадьба должна завершаться танцем.

Не в силах сдержать чувства, Феликс наклонился и поцеловал его.

Цзян И не стал сопротивляться, молча принимая этот поцелуй.

Внезапно он почувствовал себя совершенно растерянным: неужели он действительно собирается жениться, создавать семью?

В последующие дни Феликс завертелся как белка в колесе. Он заказал во Франции сварочные сладости в изящных эмалевых коробочках — в каждой детальке чувствовалась забота и вложенная душа.

Ранним утром он с улыбкой протянул Цзян И небольшой подарочный пакет и весело произнес:

— Не хочешь угостить коллег, малыш?

В тот самый момент, когда Цзян И взял в руки пакет, он до конца понял намерения Феликса. Он лишь улыбнулся и все же взял пакет с собой, направляясь в Фэнхэ.

Система контроля доступа в офисном здании недавно обновилась, и Цзян И по чистой случайности забыл пропуск. Когда девушка на ресепшене приложила карточку, чтобы впустить его, он машинально достал из пакета коробочку со сладостями, протянул ей и сказал:

— ...Поделюсь радостью.